

И. Семибратова

Марина Цветаева

26.IX (8.X).1892 – 31.VIII.1941

«Равенство дара души и глагола — вот поэт». Это точное определение Марины Цветаевой прежде всего относится к ней самой. Ее стихи, по словам Г. Адамовича, «излучают любовь и любовью пронизаны, они рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия. Это — их главная прелесть. Стихи эти писаны от душевной щедрости, от сердечной расточительности... Можно действительно представить себе, что от стихов Цветаевой человек станет лучше, добрее, самоотверженнее, благороднее».

Оригинальность поэтического голоса, сочетание «абсолютной естественности и сногшибательного своенравия» (Н. Мандельштам), неустанное творческое горение, преодоление реальности быта великой силой духа, виртуозное умение напряженно и остро выразить словом радость и боль, всю полноту чувств — вот далеко не полный перечень особенностей ее мастерства. Верно замечал В. Ходасевич:

«...Эмоциональный напор у Цветаевой так силен и обилен, что автор едва поспевает за течением этого лирического потока. Цветаева словно так дорожит каждым впечатлением, каждым душевным движением, что главной ее заботой становится — закрепить наибольшее число их в наиболее строгой последовательности, не расценивая, не отделяя важного от второстепенного, ища не художественной, но скорее психологической достоверности. Ее поэзия стремится стать дневником...»

Удивительная способность к пророчеству, порой присущая гениям, позволила Цветаевой уже в юности предсказать участь своего творческого наследия:

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

(«Моим стихам, написанным так рано...»)

В 1930-е она скажет об этих строках:

«Формула — наперед — всей моей писательской (и человеческой) судьбы».

Действительно, лишь сравнительно недавно ее произведения — а это более 800 лирических стихотворений, 17 поэм, 8 пьес, около 50 прозаических вещей, свыше 1000 писем — стали постепенно приходить к широкому читателю, одновременно с раскрытием ее глубоко трагичного личного пути, о котором Н. Мандельштам в своих воспоминаниях «Вторая книга» писала: «Я не знаю судьбы страшнее, чем у Марины Цветаевой».

Родилась Марина Ивановна в Москве. Ее отец — профессор Московского университета, известный искусствовед и филолог, был директором Румянцевского музея и основателем-собирателем Музея изящных искусств (ныне — Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Он рано овдовел, и потеря горячо любимой молодой жены Варвары Дмитриевны Иловайской, дочери крупного историка, оставившей ему дочь Валерию и сына Андрея, ощущалась им постоянно. Женившись на Марии Александровне Мейн, происходившей из обрусевшей польско-немецкой семьи, не переставал любить умершую, причем брак этот основывался на уважении, а не на чувстве и со стороны молодой женщины, которая не могла связать судьбу с любимым ею человеком и вышла замуж, стремясь заменить мать осиротевшим детям. Одаренная пианистка, ученица Рубинштейна, она всецело посвятила себя семье, которая росла: вслед за Мариной родилась Анастасия, Ася. Младшая дочь в своих «Воспоминаниях» писала:

«Детство наше полно музыкой. У себя на антресолях мы засыпали под мамину игру, доносившуюся снизу, из зала, игру блестящую и полную музыкальной страсти. Всю классику мы, выросши, узнавали как “мамино” — “это мама играла...”. Бетховен, Моцарт, Гайдн, Шуман, Шопен, Григ... Под их звуки мы уходили в сон».

А Марина воссоздала образ Марии Александровны в автобиографических очерках «Мать и музыка» и «Сказка матери» (оба — 1934).

«Счастливая, невозвратимая пора детства» — это прежде всего общение с матерью, приобщившей девочек к красоте природы, книгам, музыке, подарившей им радость семейных рождественских праздников, «золотые деньки» на даче — в старинной Тарусе на Оке (цикл «Ока», 1911–1912).

«Стихи пишу с 6 лет. Печатаю с 16-ти», — отвечала позже Марина на анкету, причем писала она не только по-русски, но и по-французски и по-немецки. Мать мечтала, что она станет пианисткой, ибо и в музыке девочка обнаруживала незаурядное дарование. Блестяще училась в музыкальной школе.

Когда Марине исполнилось десять лет, благополучная жизнь прервалась болезнью Марии Александровны — чахоткой. Необходимо было лечение, и семья уехала за границу — в Италию, Швейцарию, Германию. В католических пансионах Лозанны и Фрейбурга девочки учились, а впечатления от изумительной природы итальянского Нерви, швейцарских Альп, германского Шварцвальда надолго запали в душу. Год прожили в Крыму, где Марина посещала ялтинскую гимназию и пережила бурное увлечение революционной романтикой — героем той поры был лейтенант Шмидт. Летом 1906 семья вернулась в Тарусу, где в июле Мария Александровна скончалась, и горечь этой потери не смогли смягчить годы. В одном из юношеских стихотворений Марина писала:

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно, грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

(«Маме»)

Осенью Марина поступила в интернат при московской частной гимназии, чтобы не оставаться в осиротевшем доме в Трехпрудном. Она много читала, с детства предпочитая Пушкина, Гете, Гейне, немецких романтиков. Ее привлекает откровенная, открытая исповедь «Дневника» рано умершей художницы Марии Башкирцевой, история Наполеона и его неудачника-сына герцога Рейхштадтского, героя пьесы Э. Ростана «Орленок», ею переведенной, русские прозаики — Лесков и Аксаков, поэты Державин и Некрасов. Среди любимых книг — «Нибелунги», «Илиада», «Слово о полку Игореве», а среди стихов — «К морю» Пушкина, «Свидание» Лермонтова, «Лесной царь» Гете, пушкинские «Цыгане». Вольная, романтическая стихия своеволия и строптивости во всем близка Цветаевой с молодых лет. Ее нелегкий характер сочетал в себе дерзость и робость, застенчивость и конфликтность, что позволило позже И. Эренбургу отметить:

«Марина Цветаева совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, пиетет перед гармонией и любовь к душевному косноязычию, предельную гордость и предельную простоту. Ее жизнь была клубком прозрений и ошибок».

За пять лет поменяла три гимназии, шестнадцатилетней самостоятельно уехала в Париж, чтобы в Сорбонне прослушать курс старофранцузской литературы, тогда же начала печататься, а спустя два года на свои деньги выпустила первый сборник «Вечерний альбом» (1910), посвященный семейной, «домашней» тематике и благосклонно встреченный М. Волошиным, Н. Гумилевым, В. Брюсовым и др.

«Вся моя жизнь — роман с собственной душой», — один из девизов Цветаевой, действительно проявившийся уже в первой ее книге, где в трех разделах «Детство», «Любовь», «Только тени» порой робко и наивно, но непосредственно и искренне отражены многие мотивы ее будущего творчества: жизнь, любовь, смерть, дружба, литература... Домой к Марине приходит М. Волошин, и после серьезной беседы о поэзии начинается их длительная дружба. Летние месяцы 1911, 1913–1915 и 1917 она проводит в гостях у Волошина в Коктебеле, где знакомится с Сергеем Эфроном, круглым сиротой, сыном революционеров-народников (в январе 1912 выходит за него замуж). В тот же год издана посвященная ему вторая книга стихов «Волшебный фонарь», а затем — сборник «Из двух книг» (1913), где также многие стихотворения связаны с ним («Сергею Эфрон-Дурново» и др.). Пророческими станут строки:

В его лице я рыцарству верна.
— Всем вам, кто жил и умирал без страху. —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

(«С.Э.». Коктебель, 3 июня 1914)

В сентябре 1912 у Цветаевой родилась дочь Ариадна, Аля, верный спутник и друг всей жизни, адресат многих стихов «Але», к которой она будет обращаться в разные годы, например так:

Не знаю, где ты и где я.
Те же песни и те же заботы:
Такие с тобою друзья,
Такие с тобою сироты.

И так хорошо нам вдвоем:
Бездомным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали — поем,
Две странницы: кормимся миром.

(«Стихи к дочери», 1918)

А в другом стихотворении она ей предрекала:

Все будет тебе покорно,
И все при тебе — тихи.
Ты будешь, как я — бесспорно —
И лучше писать стихи...

(«Але», 5 июня 1914)

В августе 1913 умирает отец Марины — Иван Владимирович. Ему посвятит она мемуарный очерк «Отец и его музей».

А в стихах той поры — немало раздумий о смерти, где звучат страстные заклатья, требования веры и просьбы о любви к ней, «такой живой и настоящей на ласковой земле»:

— Послушайте! —
Еще меня любите
За то, что я умру.

(«Уж столько их упало в эту бездну...», 8 декабря 1913)

Цветаеву возмущает, «что в могиле мы все равны», она не желает

Стать тем, что никому не мило, —
О, стать как лед! —
Не зная ни того, что было,
Ни что придет...

(«Быть нежной, бешеной и шумной...». Феодосия, Сочельник 1913)

Неизбежность конца, вызывает бунт, протест:

Я вечности не приемлю!
 Зачем меня погребли?
 Я так не хотела в землю
 С любимой моей земли.

Как к живым, обращается она к тем, кто ей дорог (стихи «Генералам двенадцатого года», «Байрону», «Встреча с Пушкиным», «Бабушке»). Цикл стихотворений посвящает она «П. Э.» — Петру Яковлевичу Эфрону, умершему от туберкулеза брату мужа («День августовский тихо таял...», «Его дочке», «Осыпались листья над Вашей могилой.. » и др.).

В письме к В. Розанову 7 марта 1914 Цветаева писала:

«...Я совсем не верю в существование бога и загробной жизни.

Отсюда — безнадежность, ужас старости и смерти. Полная неспособность природы — молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жажда жить.

Все, что я сказала — правда.

Может быть, вы меня из-за этого оттолкнете. Но ведь я не виновата. Если Бог есть — он ведь создал меня такой! И если есть загробная жизнь, я в ней, конечно, буду счастливой».

Подобная диалектика безверия и все-таки веры («если Бог есть»), как и диалектика жизни и смерти, постоянно борются в ее душе, мятущейся и страстной.

Страстью пронизано ее дружеское чувство к поэтессе Софье Парнок, которой она посвящает цикл из 17 стихотворений «Подруга» (1914–1915). Для нее в этот период Софья «лучше всех», все в ней восхищает — и «неповторимая рука», и «чело Бетховена»; наиболее известным стало овеянное грустью расставания стихотворение «Хочу у зеркала, где муть...».

Не менее пылко относится Цветаева к крупнейшим поэтам — своим современникам, причем здесь были важны даже не личные отношения, а знакомство прежде всего с их творчеством. К Мандельштаму обращены ее стихи 1916 «Никто ничего не отнял...», «Ты запрокидываешь голову...», «Откуда такая нежность?..», . Его поэзию она ценила высоко, видя в ней «магию», «чару», несмотря на «путаность, хаотичность мысли», обнаруживая след «десницы Державина» в его стихотворениях. К нему относится ее статья «История одного посвящения», ибо он тоже посвящал Цветаевой свои произведения («В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...», «Не веря воскресенья чуду...»). Мандельштама она знакомила с «первопрестольной», щедро «дарила Москву» во время прогулок по ней:

Из рук моих — нерукотворный град
 Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

«Из рук моих нерукотворный град...»

Это стихотворение вошло в цикл «Стихи о Москве» («Облака — вокруг...», «Семь холмов — как семь колоколов...», «Москва! Какой огромной...» и др.), вдохновленный поездкой зимой 1915–1916 в Петербург, где она мечтала встретиться с Ахматовой и на вечере, в присутствии Есенина, Кузмина, Мандельштама, читала свои юношеские стихи, представляя, что она читает Ахматовой. «Своей любви к ней, своему желанию ей подарить что-то вечнее любви» объясняет Цветаева возникновение этого цикла. Восторженное отношение к поэтессе звучит и в другом, уже непосредственно к ней обращенном цикле «Ахматовой».

Златоустой Анне — вся Русь
 Искупительному глаголу, —
 Ветер, голос мой донеси
 И вот этот мой вздох тяжелый.

(«Златоустой Анне — вся Русь...», 27 июня 1916)

В этом и иных стихотворениях цикла («О муза плача, прекраснейшая из муз!..», «Имя ребенка — Лев...», «Ты, срывающая покров...», «Ты солнце в выси мне застишь...»

и др.) с присущей Цветаевой неумемной силой и энергией выражены ее чувства, пронизывающие и письма более поздней поры. Так, в апреле 1921 она писала Ахматовой:

«Ах, как я Вас люблю, и как я Вам радуюсь, и как мне больно за Вас и высоко от Вас!»

Однако ахматовский сборник 1940 («Из шести книг») разочаровал ее (как, впрочем, и автора, ведь по цензурным условиям он не отражал подлинного состояния ее творчества). Встреча их состоялась лишь в 1941 и позже была записана со слов Анны Андреевны дочерью Цветаевой Ариадной в 1957.

Еще семилетней девочкой записала Аля и впечатление о блоковском вечере 14 мая 1920, на котором она передала поэту стихи матери, ему посвященные. В этот день и чуть раньше — 9 мая — Цветаева видела Блока, с которым не была лично знакома, но преклонялась перед ним бесконечно, называя его «сплошной совестью», воплощенным «духом», «рыцарем без укоризны». Хрестоматиен ее цикл «Стихи к Блоку» («Нежный призрак...», «У меня в Москве — купола горят!», «Думали — человек!..» и др.).

После кончины поэта цикл был продолжен («Вот он — гляди — уставший от чужбин...», «Други его — не тревожьте его...», «А над равниной...», «Не проломанное ребро...») и завершен разделом «Подруга» (1921). «Человеческую боль свою глотаю... Не хочу его в гробу, хочу его в зорях», — писала в скорбные августовские дни Цветаева Ахматовой. А Пастернаку в 1923 жаловалась: «Я в жизни пропустила большую встречу с Блоком, встретились бы — не умер».

Забегая несколько вперед, скажем, что и горячая дружба с Пастернаком, длившаяся многие годы, возникла заочно и бурно реализовалась во взаимной переписке, начавшейся в 1922, из которой его письма сохранились, а ее, в основном, утрачены.

«Борис Пастернак для меня — святыня, это вся моя надежда, то небо за краем земли, то, чего еще не было, то, что будет», —

писала Цветаева в 1923, адресуя ему стихотворный цикл «Провода».

В статьях «Эпос и лирика современной России», «Поэты с историей и поэты без истории» она выразила свое отношение к его творчеству. К нему обращены также стихотворения «Сахара», «Двое», «Расстояние: версты, мили...», «Русской ржи от меня поклон...».

В свою очередь поэт посвятил Цветаевой несколько стихотворений и в очерке «Люди и положения» писал:

«В нее надо было вчитаться. Когда я это сделал, я ахнул от открывшейся мне бездны чистоты и силы. Ничего подобного нигде кругом не существовало».

Возвращаясь к стихам 1916, нельзя не отметить новое для Цветаевой звучание в них фольклорных интонаций («Отмыкала ларец железный...», «Посадила яблоньку...», «В день Благовещенья...»), обращение к исторической теме («Димитрий! Марина! В мире...»), ощущение себя московским поэтом, преданным родному городу. Теперь и позже ее муза тяготеет к цикличности (кроме названных — цикл «Даниил»). Кажется, война не коснулась ее, осталась ею не замеченной, ибо глубоко было спрятано беспокойство за мужа, братом милосердия сопровождавшего санитарные поезда. Уйти в стихи стремится Цветаева и от надвинувшейся революции, хотя позже горько заметит: «Из Истории не выскочишь».

Творчески в 1917 она сближается через П. Антокольского с кружком артистической молодежи — дружит с актерами Второй студии Художественного театра и Третьей студии, руководимой Е. Вахтанговым. Режиссер В. Мчедлов, педагог и актер А. Стахович, студийцы — Ю. Завадский с сестрой В. Завадской, В. Алексеев, С. Голлидэй (ей будут посвящены «Стихи к Сонечке», 1919 и «Повесть о Сонечке», 1937), А. Чабров и другие вводят в атмосферу театрального искусства, хотя и отвергаемого ею, но заинтересовавшего свежими, не использованными ранее возможностями выражения человеческих взаимоотношений. Сюжеты она черпает в истории XVIII века, делая своими героями

герцога Лозна («Фортуна»), авантюриста Казакову («Приключение», «Феникс»), а то обращается к немецкой легенде XVI века («Каменный Ангел») или к древнегреческим мифам о Тезее (трагедии «Ариадна», «Федра»). Романтические страсти, в которых раскрываются характеры, драматизм встреч и разлук, вдохновенное владение диалогом присущи ее пьесам, созданным в 1918–1928.

В апреле 1917 у Цветаевой родилась вторая дочь — Ирина, которую она сначала хотела назвать Анной в честь Ахматовой, но передумала: «ведь судьбы не повторяются». С бытом становилось все сложнее, хотя Марина обнаруживала «полное безразличие, где и как жить». Поездка к Волошину в Крым, возвращение к детям в Москву и разлука с мужем, ставшим белым офицером, разруха и лишения послеоктябрьских лет — внешняя сторона ее жизни. Внутренняя же — непрестанная работа над стихом: более трех сотен стихотворений, поэма-сказка «Царь-Девница», уже упомянутые пьесы — все это создано в сложные 1917–1920. Лишь недавно в нашей стране опубликован сборник «Лебединый стан» со стихами той поры о героическом и обреченном пути Добровольческой армии, возможно, несколько идеализированной, но ведь в ее рядах находился Сергей Эфрон, и его судьбу, молодость и доблесть воспевала Цветаева:

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.

Божье да белое твое дело:
Белое тело твое — в песок.

(«Белая гвардия, путь твои высок...», 24 марта 1918)

Вообще же, подобно Волошину, Марина Ивановна была «над схваткой», осуждая братоубийственность гражданской войны и равно сострадая погибшим. Заклинанием звучали ее стихи:

Мракобесие. — Смерч. — Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,
Человек молодой — не спи.
В воротах, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет — честь.

Обведите свой дом — межой,
Да не внидет в него — Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы —
Выше — прадедовы дубы.

(«Мракобесие. — Смерч. — Содом...», 6 июня 1918)

Вот как описала внешность Марины Цветаевой в 1918 ее шестилетняя дочь Аля (запись «Моя мать»):

«У нее светло-русые волосы, они по бокам завиваются. У нее зеленые глаза, нос с горбинкой и розовые губы. У нее стройный рост и руки, которые мне нравятся. Ее любимый день — Благовещение. Она грустна, быстра, любит стихи и музыку. Она пишет стихи. Она терпелива, терпит до крайности. Она сердится и любит. Она всегда куда-то торопится. У нее большая душа. Нежный голос. Быстрая походка. У Марины руки все в кольцах. Марина по ночам читает. У нее глаза почти всегда насмешливые. Она не любит, чтобы к ней приставали с глупыми вопросами, она тогда очень сердится. Иногда она ходит, как потерянная, но вдруг точно просыпается, начинает говорить, и опять точно куда-то уходит».

Осенью 1918 Цветаева ездила за продуктами под Тамбов, но становилось все голоднее. Она работала в Наркомнаце — ушла, поклявшись более нигде не служить. Чтобы как-то прокормить дочерей, отдала их в Кунцевский детский приют, но заболевшую Алю пришлось забрать домой и выхаживать, а в это время Ирина умерла от голода. Материнское горе выливалось в стихи:

Две руки, легко опущенные
 На младенческую голову!
 Были — по одной на каждую
 Две головки мне дарованы.

Но обеими — зажатыми —
 Яростными — как могла!
 Старшую у тьмы выхватывая
 Младшей не уберегла.

(«Две руки, легко опущенные...», первая половина 1920)

В 1917 создавалась и пронзительная лирика сборников «Версты», овеянная вольным ветром цыганских дорог («Мировое началось во мгле кочевье...», «Милые спутники, делившие с нами ночлег!..»), насыщенная близкими к народным любовными заклетьями («В лоб целовать — заботу стереть...», «Чтобы помнил не часочек, не годок...», «Развела тебе в стакане...»), жаркими признаниями («Целовалась с нищим, с вором, с горбачом...», «Плоти — плоть, духу — дух...», «Любовь! Любовь! И в судоргах, и в гробе...»).

Из книги «Психея» — ее «Стихи к дочери» («Марина! Спасибо за мир!..», «Когда-нибудь, прелестное созданье...» и др.), циклы «Иоанн», «Мариула», «Братья», «Плащ», где Дон-Жуан, кавалер де Гриз и другие любимые герои «великосветских авантюр» уносят в вымышленный мир былого. Книжно-театральная романтика представлена и в циклах «Дон-Жуан», «Кармен», «Князь тьмы», «Любви старинные туманы» и «Комедьянт», где порой бутафорский реквизит оживлен подлинной страстью («Не любовь, а лихорадка...», «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...», «Ваш нежный рот — сплошное целованье...»). Цикл «Бабушка» включает и шуточные строки («Когда я буду бабушкой...»), и послание в будущее («Тебе — через сто лет»), и стихи «Вячеславу Иванову», и описание своего жилища:

Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!
 Взойдите. Гора рукописных бумаг...
 Так. — Руку! — Держите направо, —
 Здесь лужа от крыши дырявой.

Теперь полюбуйтесь, воссев на сундук,
 Какую мне Фландрию вывел паук.
 Не слушайте толков досужих,
 Что женщина — может без кружев!

.....
 От века поэтов корки черствы,
 И дела нам нету до красной Москвы!
 Смотрите: от края — до края —
 Вся наша Москва — голубая!

А если уж слишком поэта доймают
 Московский, чумной, девятнадцатый год, —
 Что ж, — мы проживем и без хлеба!
 Недолго ведь с крыши — на небо.

(«Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!..», октябрь 1919)

Исповедь любящей женщины звучит в стихотворениях «Я — страница твоему перу...», «Как правая и левая рука...», «Пригвождена к позорному столбу...», «Суда поспешно не чини...» и др.

В первые послереволюционные годы возрос интерес Цветаевой к русским народным поэтическим истокам, что сказалось в цикле о Стеньке Разине, стихах «Полюбил богатый — бедную...», «Чтобы помнил не часочек, не годок...» и других, так называемых русских поэмах «Царь-Девница» (1920), «Переулочки» (1922), «Молодец» (1922).

Стихотворения циклов «Ученик», «Марина» демонстрируют всевозрастающее мастерство автора. И через самые разнообразные темы прорывается главная, ради которой

жила Цветаева эти годы, надежда на встречу с единственным любимым человеком, и к нему обращены стихи из цикла «Спутник» со скромным посвящением «С.Э.»:

Сижу без света, и без хлеба,
И без воды.
Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды.
Сижу, — с утра ни корки черствой —
Мечту такую полюбя,
Что — может, — всем своим покорством
— Мой Воин! — выкуплю тебя.

(«Сижу без света, и без хлеба...», 16 мая 1920)

Ему же адресованы стихи «О, скромный мой кров! Нищий дым...», «Писала я на аспидной доске...», цикл «Разлука» со стихотворением «Вестнику», адресованным И. Эренбургу, разыскавшему за границей ее мужа и в 1921 восстановившему между ними переписку. К Сергею Эфрону относятся и циклы той поры «Благая весть» и «Георгий», облику которого Цветаева придает черты Сергея, признаваясь:

Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты больше, чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!

(«О, всеми ветрами...», 14 июля 1921)

К мужу обращено ее горькое стихотворение:

Не похорошела за годы разлуки!
Не будешь сердиться за грубые руки,
Хватающиеся за хлеб и за соль?
Товарищества трудовая мозоль!
.....
Разочаровался? Скажи без боязни!
То — выкорчеванный от дружб и приязней
Дух. — В путаницу якорей и надежд
Прозрения непоправимая брешь!

(«Не похорошела за годы разлуки!...», 23 января 1922)

Хотя увлечений, как пишут исследователи — «топлива» для творческого костра, было немало и ранее и потом, любовь оставалась единственной до конца дней — без Сергея Эфрона жизнь для нее немислима. Цветаева решает уехать к мужу, посвящает друзьям циклы стихов — поэту Э. Миндлину «Отрок», И. Эренбургу — «Сугробы». С девятилетней дочерью 11 мая 1922 они прощаются с родиной и 15 мая приезжают в Берлин, где Эренбург устраивает их в русский пансион. В Берлине происходит встреча с Сергеем Эфроном, прибывшим из Праги, где он учился в университете. За два с половиной месяца Цветаева пишет более двадцати стихотворений, непохожих на прежние, знаменующих новый этап творчества, лирика ее становится более усложненной, самоуглубленной. Среди них — «Есть час на те слова...», цикл «Земные приметы», «Берлину». Некоторые из них обращены к А. Вишняку, владельцу русского издательства «Геликон» в Берлине, где вышла ее книга «Ремесло» (1923).

Благодаря дружественным отношениям России и Германии в ту пору, в Берлине жило немало русских писателей — А. Ремизов, М. Горький, А. Толстой; приезжали В. Ходасевич и Н. Берберова. Цветаева встретила здесь с С. Есениным и подружилась с А. Белым, завязала эпистолярное знакомство с Б. Пастернаком, под сильным впечатлением его книги «Сестра моя — жизнь» написав стихотворение «Неподражаемо лжет жизнь...».

В августе 1922 Цветаева перебирается с Алей к мужу в Чехию, где правительство выплачивает русским эмигрантам пособие за счет золотого запаса, вывезенного из России в гражданскую войну. В поисках более дешевого жилья семья живет не столько в Праге, которую, в отличие от не понравившегося ей слишком буржуазного Берлина, Цветаева полюбила, а в пригородах — деревнях Мокропсы (Дольние и Горные), Новые Дворы, Иловищи, Вшеноры. Трудный, нищенский быт, о котором сохранились образные воспоминания ее дочери, Ариадны Эфрон, искупала близость к природе, вдохновлявшая Марину Ивановну (циклы «Сивилла», «Ручьи», «Облака» и др.). Дальние пешие прогулки, которые Цветаева, «рожденный ходок», совершала по горам и лесам Чехии с мужем, дочерью, знакомыми, дружба с А. Тесковой, писательницей и переводчицей (ей посвящен цикл «Деревья»), а письма после отъезда во Францию составили книгу, вышедшую в Праге в 1969), помогали преодолеть повседневность, вдохновляли на творчество. Несмотря на каждодневные заботы, Цветаева писала много, хотя публикация стихов и редкие вечера, на которые надо было самим продавать билеты, приносили мало денег.

Она много писала о любви, утверждая, что можно влюбиться в ребенка, старуху, дерево, дом, собаку, героя романа, собственную мечту, — так многолика любовь. О ней — изданная в Праге поэма «Молодец» (1924), а также «Поэма Горы» и «Поэма Конца», напечатанные в 1926 в пражских журнале и альманахе, как и стихотворения «Древняя тщета течет по жилам...», «Брожу — не дом же плотничать...», «Люблю — но мука еще жива...», «Попытка ревности», цикл «Овраг», обращенные к К. Радзевичу, встреча и разлука с которым дали пищу мощному взлету поэтического дарования Цветаевой, восхитившему и потрясшему Пастернака. Кратка и афористична констатация ею разрыва с любимым человеком:

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах! —
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

(«Ты, меня любивший фальшью...», 12 декабря 1923)

В лирике Цветаевой раскрыта не только психология любви — здесь страстные, щемящие стихи, отразившие тоску по родине («Рассвет на рельсах», «Эмигрант»), обращения к Пастернаку («Провода», «Двое»), строки о поэте и его сути (цикл «Поэт») перемежаются с зарисовками пражских окраин («Заводские»), переосмыслением тем Гамлета и Офелии, Христа и Магдалины, Федры и Ипполита, раздумьями об уходящей жизни («Седые волосы», «Хвала времени», цикл «Час души»), глубокими философскими размышлениями:

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем —
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени.

(«Прокрасться...», 14 мая 1923)

1 февраля 1925 у Цветаевой родился сын Георгий, прозванный ею Мур, о котором давно мечталось, предсказывалось в ее стихах. Через месяц она начинает писать последнее в Чехии произведение — лирическую сатиру, поэму «Крысолов», завершённую в Париже в 1925. По ее замыслу, поэзия мстит, когда флейтист из Гаммельна уводит из города, вслед за крысами, утопленными в реке, и детей бургеров, которые его обманули. Как эссеист Цветаева проявляет себя в статьях «Кедр. Апология» — о книге своего старого друга С. Волконского (ему посвящен стихотворный цикл «Ученик», 1921) и «Герой труда» — отклике на смерть В. Брюсова.

После трех с лишним лет пребывания в Чехии семья Цветаевой перебирается осенью 1925 во Францию, где ей суждено прожить более тринадцати лет — в Париже, Вандее, Бельвю, пригородах Парижа — Медоне, Кламаре, Ванве, изредка выезжая в Лондон и Брюссель и ежегодно — летом на море.

«Надо сказать, ее мало кто любил, — рассказывала об этих годах С. Андроникова-Гальперн. — Цветаева была умна, очень умна, бесконечно. Фигура прекрасная, тоненькая, плечи широкие, лицо скорее красивое, но странно, она производила впечатление некрасивой, была какая-то бежевая. Говорила очень хорошо, живо, масса юмора, много смеялась. Умела отчеканить фразу... Эмигрантские круги ненавидели ее независимость, неотрицательное отношение к революции и любовь к России. То, что она не отказывалась ни от России, ни от революции, бесило их».

Если годы, проведенные в Чехии, Ариадна расценивала как «веселое нищенство», бедный, неустроенный быт во Франции воспринимался тяжелее. Заработки С. Эфрона — случайны, в стране безработица. Колония русских эмигрантов в Париже в основном остается чуждой Марине Ивановне. Лишь два года дела ее идут успешно, но постепенно интерес к ее стихам слабеет, хотя издаются поэмы «Крысолов» и «Лестница», а в 1928 — сборник «После России (Лирика 1922–1925 гг.)». «Эмиграция делает меня прозаиком», — признается она, но и проза идет плохо. Приходится экономить на еде, привычны «вещи с чужого плеча, обувь — с чужих ног...» Аля учится в школе рисования, берет уроки у художницы Натальи Гончаровой, о которой сохранилась статья Цветаевой, подрабатывает вязанием.

Весной 1926 через посредничество Пастернака Марина Цветаева вступает в переписку с поэтом Рильке — «германским Орфеем». Эпистолярный «роман троих» — «Письма лета 1926 года» — издан во многих странах, а теперь и у нас (Дружба народов. 1987). Цветаева посвящает поэму «С моря» Пастернаку, а «Попытку комнаты» — ему и Рильке. Смерть последнего почти в канун 1927 потрясает ее — так и не состоявшимся свиданием, несправедливостью утраты. Возникает ее стихотворение-реквием «Новогоднее», затем «Поэма Воздуха» (1927), в которой говорится о смерти, о Вечности. Ненаписанной осталась поэма о Сергее Есенине, чья смерть годом ранее тоже взволновала ее; сохранилось лишь четверостишие-эпитафия:

...И не жалость — мало жил,
И не горечь — мало дал,—
Много жил — кто в наши жил
Дни, все дал — кто песню дал.

(«Памяти Сергея Есенина», январь 1926)

В 1930 — еще одна скорбная дата — гибель Маяковского, к которому Цветаева всегда относилась с уважением и восхищением, посвящала стихи, приветствовала во время приезда в Париж в 1928, переводила его на французский язык. Кончину его она трактовала романтически, объясняя несчастной любовью, в цикле-реквиеме «Маяковскому» оплакивая его, но и отмечая в письмах силу его смерти и чистоту.

Знаменит ее цикл «Стихи к Пушкину» (1931), перед гением которого она преклонялась с младенческих лет, воспринимая его очень лично (книга «Мой Пушкин», 1937), посвящая ему с 1913 стихи, переведя в 1936 восемнадцать его стихотворений на французский язык. Она чувствовала в нем созвучную ей внутреннюю мятежность, «вызов каждой строки» — лицемерам прошлого и настоящего. Прочувственно звучит ее предостережение:

Народоправству, свалившему трон,
Не упразднившему — тренья:
Не поручать палачам похорон
Жертв, цензорам — погребенья
Пушкиных...

(«Народоправству, свалившему трон...», 1931)

Среди других наиболее значительных стихов начала 1930-х — «Ода пешему ходу», циклы «Стихи к сыну», «Стол», «Куст». Все настойчивее звучит мотив возвращения на родину («Тоска по родине. Давно...»), куда стремятся и повзрослевшая Аля, в 16 лет принявшая советское гражданство, и С. Эфрон. В стихах Цветаевой возникает

Даль, отдалившая мне близь,
 Даль, говорящая: «Вернись
 Домой!»
 Со всех — до горних звезд —
 Меня снимающая мест!

(«Родина», 12 мая 1932)

Работа над прозой — условно-автобиографической («Дом у Старого Пимена», «Башня в плюще» и др.), мемуарно-критической: о поэтах своего времени («Живое о живом (Волошин)», «Пленный дух» (Андрей Белый), «Нездешний вечер» (М. Кузмин), статьями («Поэт и время», «Искусство при свете совести» и др.), дневниками и письмами сочетается с поэтической (поэма «Перекоп» (1929), «Поэма о царской семье», из которой сохранилась глава «Сибирь» и др.). Молодому, трагически погибшему поэту Н. Тройскому посвящен цикл «Надгробие» (1935). В цикле «Стихи к сироте» (1936), обращенном к больному туберкулезом поэту А. Штейгеру, автор подчеркивает мысль о том, что «человека держит на земле его необходимость другому» (А. Саакянц):

Что для ока радуга,
 Злаку — чернозем —
 Человеку — надоба
 Человека в нем.

(«Наконец-то встретила...», 11 сентября 1936)

В 1937 Ариадна, а за ней С. Эфрон уезжают в Москву. Тем самым предрешен и отъезд Цветаевой, хотя она и понимает невозможность возвращения «в дом, который скрыт», Тесковой пишет: «Здесь я не *нужна*. Там я *невозможна*».

Негодование вызывает у нее нападение гитлеровцев на Чехословакию, вызвавшее антифашистский цикл «Стихи к Чехии». Она предостерегает:

О мания! О мумия
 Величия!
 Сгоришь,
 Германия!
 Безумие,
 Безумие
 Творишь!

(«Германии», 9–10 апреля 1939)

12 июня 1939 Цветаева с сыном уезжает в СССР. Семья живет в подмосковном Болшеве, но в жизнь, казалось, налаженную, входит горе: 27 августа арестовывают ее дочь, несправедливо обрекая на лагерь и ссылку (она была полностью реабилитирована «за отсутствием состава преступления» лишь в 1955). В октябре следует арест С. Эфрона. Он был расстрелян в 1941 и реабилитирован посмертно, спустя годы.

Для Цветаевой наступила тяжелая пора: неизвестность о близких, стоянье с передачами в тюремных очередях, болезни Мура, скитания по чужим углам — комната в Голицыне, три разных пристанища в Москве. Ей пытаются помочь Пастернак, Тарасенков, предпринимается попытка в 1940 издать сборник избранных стихотворений, провалившаяся из-за отрицательной рецензии К. Зелинского, ей в лицо хвалившего стихи.

Зарабатывает на жизнь Марина Ивановна переводами — с французского, немецкого, английского, болгарского, польского и других языков. Работает трудно, медленно, как во всем, добываясь совершенства. Глыбы подстрочников мешают заняться своим, собственным, но она не может не творить. Рождаются лирические шедевры «Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!..», «Ушел — не ем...», «Пора! Для *этого* огня..», обращенные

к литературоведу Е. Тагеру, и «Все повторяю первый стих...» — к поэту А. Тарковскому, посвятившему Цветаевой несколько стихотворений.

Как глубоко личное, выстраданное звучат ее переводы Ш. Бодлера («О ужас! Мы шарам катящимся подобны...»), «Бесплодна и горька наука дальних странствий...», «Смерть. Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!..» и др.). Таков же и один из самых последних ее переводов стихотворения Г. Вебера:

На трудных тропах бытия
Мой спутник — молодость моя.

Бегут, как дети, по бокам
Ум с глупостью, в середине — сам.

А впереди — крылатый взмах:
Любовь на золотых крылах.

А этот шелест за спиной —
То поступь Вечности за мной.

(«Тропы бытия», 1941)

В апреле 1941 Цветаеву принимают в группом литераторов при Гослитиздате, но силы ее подорваны. «Для меня в жизни прежде всего работа и семья, все остальное — от избытка сил», — делится она с Тагером. Теперь она считает: «Я свое написала, могла бы еще, но свободно могу не».

Война застаёт Цветаеву за переводом испанского поэта Г. Лорки, погибшего от рук фашистов в Гренаде. Журналам, однако, становится не до переводов. 8 августа, провожаемая Пастернаком и Боковым, Марина Ивановна пароходом уезжает из Москвы с сыном, не выдерживая бомбежек, в Елабугу на Каме. Но ни там, ни в Чистополе, где живут семьи писателей, для нее нет работы, даже самой черной, — ни домработницей, ни судомойкой устроиться не удастся. Марина Ивановна приходит к мысли, что Мур с ней пропадет — не прокормить; уже не раз она задумывается о самоубийстве — «год примеряет смерть», считая, что осиротевшему сыну люди помогут. «Смерть страшна только телу. Душа ее не мыслит. Поэтому, в самоубийстве, тело — единственный герой», — рассуждает Цветаева. — «Героизм души — жить, героизм тела — умереть».

31 августа 1941 в отсутствие сына и хозяев она повесилась, оставив записку сыну:

«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик».

Цветаева оставила и еще две записки — товарищам, прося не оставить ее сына и — с той же просьбой — поэту Асееву и его семье. Могила ее затерялась. Так кончилась ее земная и началась посмертная судьба.

Вот что сказано о ее кончине знаменитыми современниками.

Б. Пастернак:

«Марина Цветаева всю жизнь заслонялась от повседневности работой, и когда ей показалось, что это непозволительная роскошь и ради сына она должна временно пожертвовать увлекательною страстью и взглянуть кругом трезво, она увидела хаос, не пропущенный сквозь творчество, неподвижный, непривычный, косный, и в испуге отшатнулась, и, не зная, куда деться от ужаса, впопыхах спряталась в смерть, сунула голову в петлю, как под подушку».

А. Ахматова — Ариадне Эфрон:

«Я знаю, существует легенда о том, что она покончила с собой, якобы заболев душевно, в минуту душевной депрессии — не верьте этому. Ее убило время, нас оно убило, как убивало многих, как оно убивало и меня. Здоровы были мы — безумием было окружающее — аресты, расстрелы, подозрительность, недоверие всех ко всем и ко вся. Письма вскрывались, телефонные разговоры подслушивались; каждый друг мог оказаться предателем, каждый собеседник — доносчиком; постоянная слежка, явная, открытая...».

Несмотря на попытки дочери и ее друзей издать сборник поэта в 1957 (в 1956 вышла подборка стихов в «Дне поэзии»), первая ее посмертная книга, укороченная наполовину, была выпущена лишь в 1961, одновременно с калужским сборником «Тарусские страницы», где, кроме большого цикла ее стихов, была напечатана впервые в России ее проза: «Кирилловны». Так вернулся к читателю один из крупнейших поэтов нашей страны.